

Кирилл
АЗАНЦЕВ

ОБОРОТНИ

В ЗАКОНЕ

СУПЕРЖОП

ЧЕРНЫЙ ТРАФИК

Суперкоп

Кирилл Казанцев

Черный трафик

«ЭКСМО»

2013

Казанцев К.

Черный трафик / К. Казанцев — «Эксмо», 2013 — (Суперкоп)

В автофургоне было обнаружено тело мужчины со следами насильственной смерти. Удалось установить личность убитого, им оказался Алексей Лажкин – контрабандист, поставщик осетровой икры на уральский черный рынок. Вскоре была получена информация, что Лажкин возил свой груз из городка Белуши и что именно там обосновались главари астраханской рыбной мафии, во главе которой, предположительно, стоял местный высокопоставленный полицейский. Разоблачение оборотня в погонах было поручено старшему лейтенанту Антону Копаеву, и он под видом дельца из Самары отправился в Белуши налаживать связи с организаторами подпольного икорного бизнеса...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Кирилл Казанцев

Суперкоп. Черный трафик

Глава 1

Алексей узнал его сразу, того самого «камазиста», который просил подвезти Катю. Наверное, от неожиданности, от страшной догадки силы оставили его, а бок справа пронзила острая боль. Обида на себя, дикая злость на мелкие человеческие слабости, от которой из глаз брызнули слезы. Глупо, глупо, глупо! Он попытался отмахнуться, но его достал новый удар ножом прямо в грудь. И снова боль, огненная, жгучая, и мысль, что это конец...

Он еще пытался сопротивляться, но руки не слушались, глаза застилала мутная пелена, а сознание уже ускользало. Сколько рассказов было о таком, только не верилось, что с ним самим именно это может случиться. И сейчас не хотелось верить. Он даже не сопротивлялся, а цеплялся за жизнь. Скрюченными холодеющими пальцами, непослушными ногами... убивают его... конец...

Маршрут был отработан, и те, кому следовало получить, получали свое. В результате «Газель» с астраханскими номерами продвигалась по дорогам нескольких областей без проблем. Алексей Лажкин приезжал в Екатеринбург раз двадцать, если не больше. Он вообще перевозкой грузов по стране занимался уже много лет и знал все правила и тонкости этой работы. Одно из них гласило, что останавливаться надо только вблизи постов ГИБДД или дорожных магазинчиков и кафе, возле которых кучкуются дальнбойщики.

Говорят, что раньше, еще в далекие советские времена, когда машин на дорогах было мало и самих дорог было мало, существовало понятие «шоферское братство». Алексею рассказывал об этом сосед, который всю жизнь проработал шофером. По его словам, в дороге на загородной трассе тебе всегда помогут, отдадут чуть ли не последнее, если ты попал в беду. Машина ли сломалась, деньги ли кончились, бензин ли. Не остановиться, если видишь за городом машину с поднятым капотом, было просто признаком непрофессионализма. В те годы никто и не слышал о бандитах, о рэкрете, о грабежах на дорогах. Что-то такое в фильмах иногда показывали, но водители всегда относили это к выдумкам режиссеров и их незнанию шоферской жизни.

Так было до войны, после войны. Так было, если верить соседу, в шестидесятые и семидесятые. Рассказывать заслуженному шоферу, что еще совсем недавно творилось на дорогах, причем руками не только бандитов, но и инспекторов ГАИ-ГИБДД, Лешка не рисковал. Боялся, что сосед не поверит и примет все за шоферские байки. А может, не хотел старика расстраивать. Пусть живет воспоминаниями безоблачной молодости.

Сейчас от шоферского братства осталось только братство «дальнбойщиков». Сложилась целая каста, профессиональный клан. Эти люди друг друга понимали, они хорошо знали, что это за труд, поэтому ценили его, уважали и охотно делились между собой советами, моторным маслом и много еще чем. Одно слово – дорога!

Алексей Лажкин надолго машину не покидал. Брезентовый тент на кузове он давно сменил на герметичную будку с навесными замками, но привычка осталась прежней – быстренько забежать в магазин, купить самого необходимого и опять в кабину. Утром и вечером он позволял себе достать газовую конфорку, подключить к ней шланг от укрепленного в кузове баллона и приготовить себе горячий завтрак или ужин, а вот в обед, чтобы не терять время, можно обойтись бутербродами и чаем из термоса, но без горячей пищи все равно никак нельзя, запро-

сто желудок угробишь. Поэтому он и сейчас забежал в придорожный магазинчик, купил хлеба, минералки и кое-чего пожевать.

– Э, слышь, брат! – поднял, привлекая внимание, руку парень, стоявший возле «КамАЗа» с уфимскими номерами, когда Алексей уже подходил к своей «Газели».

Он остановился, привычно покручивая на пальце кольцо с автомобильными ключами. С парнем была девушка, довольно симпатичная, но с грустными заискивающими глазами.

– Ты не в сторону Екатеринбурга? – спросил парень, подходя с девушкой к нему.

– Туда, а что за беда?

Парень был типичным дальнбойщиком – и короткие просторные штаны, в которых не так жарко весь день проводить в кабине, и рубашка нараспашку, чтобы не потело тело, и сандалии-плетенки на ногах. Кто весь день за баранкой, тот знает, как ноги потеют.

– Да знакомую подхватить бы. Она с нами ехала, а тут компрессор полетел. Чего ей с нами торчать на дороге, не подхватишь? У тебя же «Газель», почти легковушка!

Алексей посмотрел на девушку. Двадцать два, может, двадцать четыре. Одета скромненько и не по-дорожному. Юбочка короткая, босоножки на каблучке. Видимо, рассчитывала из дома в кабину, а из кабины сразу в городскую среду. Это понятно. Глаза Алексея невольно задержались на округлых гладких девичьих коленках, и он, поспешно отведя глаза, согласно кивнул. Ехать уже недалеко, каких-то триста верст, после обеда уже на месте будет. А с девушкой намного веселее в дороге.

– Ой, спасибо вам огромное! – Ее рука так доверчиво легла на сгиб локтя Алексея и мягко чуть сдавила. – Там мама волнуется, она в больнице лежит, а я на каникулы еду.

– Ладно-ладно, – покровительственно кивнул Алексей. – Поехали. Не на себе же поташу, чай, машина везет.

– Спасибо, братан, – крепко, по-шоферски, пожал руку Алексею парень, – выручил. Ну, Катюха, счастливо тебе, матери привет передавай. – Он махнул рукой и торопливо пошел в сторону кафе.

Алексею показалось немного странным, что у парня чистые руки. Не в том смысле, что они должны быть у него в грязи, а просто у «камазистов» они не отмываются, потому что часто приходится что-то ремонтировать. Недаром ведь говорят, если ты за рейс ни разу не перебортировал колесо, то ты не «камазист». Уж как минимум у них у всех грязные ногти. Тем более в пути.

Но эти мысли быстро промелькнули и исчезли, потому что впереди игриво покачивалась легкая юбочка, а из-под нее виднелись стройные загорелые ножки. Алексею было чуть за сорок, и ничто человеческое ему, естественно, не чуждо. Чем черт не шутит, а вдруг что и выйдет. Вон как она ручку на него положила да чуть сдавила. Как будто намекала: ты только возьми меня с собой, а уж я в долгу не останусь. Жаль, в лесополосу не свернешь, а то вообще проблем бы не было. Кабина просторная, прямо тут можно и завалить ее. А так... где-нибудь возле КП остановиться, чуть в сторонке...

Какая-то остороженькая мыслишка мелькнула на горизонте сознания и сразу исчезла. Да ладно! Чего там! Двери запру, бита под сиденьем... Но и эта мысль быстро ускользнула. В голове лишь пульсировали гладкие загорелые колени и набухшие соски, которые топорщились из-под цветной футболки. Тонкий кружевной лифчик подчеркивал форму груди, манил к ней. Алексей вдруг вспомнил, что именно девичьего тела он давно уже не ощущал в своих руках.

Женщины были и тридцатилетние, и сорокалетние, но это все не то. Там грудь, как прачило, обвисшая, и бедра дряблые, да еще с целлюлитом. А тут вот только руку протяни – и упругая высокая грудь, и соски, не огрубевшие за время кормления детей, и шелковистая кожа бедер, и...

Алексей улыбнулся своим мыслям, продолжая смотреть на дорогу и крутить руль. Лента асфальта неслась прямо на него, мелькали встречные машины, а руки вспоминали ощущения

из своей молодости. Трепетное девичье тело, томное волнение, когда она стыдливо прикрывается, стесняется и при этом готова позволить тебе все, но... Но только ты должен соблюсти правила и сам добиться ее. Не может же она быстро согласиться, это же не по-девичьи.

Обычный дорожный треп, который Алексей все пытался свести на нужную ему игристую тему, вдруг прекратился. Катя, как ему представилась девушка, неожиданно замолчала и поморщилась. На его вопросы она только отнекивалась и отвечала, что все нормально. Мелькнула недовольная мысль, что у девушки могут быть месячные, и все планы в таком случае полетят к черту.

Катя попросила воды, бросила в рот какую-то таблетку, запила из пластиковой бутылки и съежилась, прислонившись к дверке. Она сидела так несколько секунд, а потом ее начал колотить озноб, руки, сжимавшие плечи, стискивались в кулачки. Алексей с неудовольствием подумал, что Катя может оказаться наркоманкой и сейчас у нее элементарная ломка.

Но тут стало еще хуже. Девушка запрокинула голову, закатила глаза и начала сползать с сиденья. Алексей успел подумать, что она его разыгрывает, что это какая-то сексуальная игра. Ведь при припадках кожа меняет свой цвет, какие-то другие признаки имеются, говорящие о том, что человек нездоров. И они появились. Из рта девушки вдруг появилась пена. Сначала немного, белая, пузыристая, потом она превратилась в густую массу и потекла на грудь.

Алексей резко нажал на тормоз, свернул на обочину и заглушил двигатель. Он выскочил из машины, обежал ее с другой стороны и, матерясь на себя и на весь белый свет, стал вытаскивать Катю из машины. С одной стороны, он боялся испачкаться, его самого от такого зрелища начало тошнить, а с другой – он понимал, что девушке нужен свежий воздух и необходимо принять лежачее положение. Но как бы она не захлебнулась своей пеной. Лучше, наверное, позвонить «112» и вызвать «Скорую помощь».

Катя вдруг начала вырываться, ее взгляд прояснился:

– Там в сумочке... лекарство... в кабине...

Эх!.. Алексей оставил ее сидеть на траве и метнулся в кабину. Не могла, дура, предупредить! С такими припадками – и в дорогу! И друг ее не предупредил! Мать-перемать!

Он вскочил на подножку и протянул было руку к сумочке, как вдруг почувствовал укол в заднюю часть бедра. Не успев испугаться и даже понять, что это может означать, Алексей мгновенно ослабел и попытался уцепиться руками за дверку или за сиденье, но нога соскользнула с подножки, и он больно ударился коленом. Сквозь шум в ушах он услышал, что рядом вроде остановилась машина. Потом чьи-то руки схватили его за бока и затолкали в «Газель». Ну вот, теперь он сам припадочный!

Какой-то человек сел на его место за руль и завел мотор. Мужские руки держали Алексея за плечи, чтобы он не упал, не ткнулся головой в приборную панель, а машина свернула с шоссе на грунтовую дорогу и поехала вдоль лесополосы. Потом кусок поля, опушка леса. Тревога, затем ясное понимание происходящего стали заполнять сознание. А с ним постепенно возвращались и силы...

Если бы Антона Копаяева спросили, горд ли он полученным орденом, повышением в звании, он бы посмотрел на этого человека с удивлением. Вот и теперь, когда непосредственный руководитель Антона, начальник Управления собственной безопасности ГУВД по Екатеринбург и Свердловской области полковник Быков сообщил, что Антон представлен к ордену, молодой лейтенант удивленно посмотрел на него.

– Ты окончательно забыл, что служишь не себе лично и не из чувства мести, – строго напомнил Быков. – Ты служишь людям, своему городу. Это твоя работа, Антон. А за хорошо выполненную работу у нас принято поощрять...

Алексей Алексеевич Быков еще много чего говорил. И о звании старшего лейтенанта полиции, и об ордене Мужества. Мудрый Быков все понял правильно, он ни на миг не ослаб-

лял внимания к своего молодому сотруднику, не забывая, как встретился с ним в отдаленном районе, где свершилась месть, где Антон выполнил свою клятву и настиг убийцу своей матери.

Это было больше года назад. Много воды утекло с тех пор, как Антон согласился перейти в Управление собственной безопасности и продолжить борьбу с преступниками в погонах. Только уже не из чувства мести, а из чувства гражданского долга. И не сомневался мудрый Быков, что не скоро утихнет у Антона внутри боль, что каждое новое дело будет для него делом личным.

Услышав о повышении и награде, Антон в первый момент подумал, что для него награды за службу как кошунство. Потом попытался убедить себя, что это хорошо, что мама, если бы была сейчас жива, гордилась бы им. А зачем этот орден нужен еще? Ведь надеть его с новой формой Антон сможет еще не скоро. По крайней мере, полковник Быков, как сам признался, намерен использовать Антона в секретных операциях под прикрытием достаточно долго, до тех пор, пока его уже нельзя будет использовать в этом качестве. Антон понял это так, что до тех пор, пока его лицо не примелькается в городе.

Сегодня Быков встречу назначил не на конспиративной квартире, как это делалось раньше, а в лесу. Два километра после поворота на Лебяжье. Так было написано в письме, которое Антон получил по электронной почте. Однако, когда они наконец встретились в условленном месте, Антон понял, что его вызвали не на место происхождения и не по какой-то другой причине, связанной с этим местом в лесу.

– Тебе без разницы, а я уже и не помню, когда вот так спокойно бродил среди деревьев, – сказал Быков и неторопливо пошел, прикасаясь руками к березкам, наклоняясь к еловым лапам и нюхая хвою.

– Беда-а! – покачал Антон головой. – А я думал, что вам эмоции не присущи. Вы меня все чаще поражаете, Алексей Алексеевич!

– Да? – задумчиво ответил Быков. – Может быть. Но вообще-то я спешу в райцентр, а встретиться с тобой перед отъездом мне не удалось, так что сочетаю приятное с полезным.

Антон мысленно чуть ли не сплюнул. Вот так всегда. Только вдруг начнешь верить, что умный, холодный, железный полковник Быков тоже человек из плоти и крови, как нет! Опять попадаешь впросак.

– Алексей Алексеевич, – хитро прищурился он, глядя на рыжее, безбровое, как будто с подпалинами, лицо Быкова, – а какое ваше любимое дерево?

– Дерево? – переспросил полковник, потом помолчал и задумчиво повторил: – Дерево.

– Да, дерево.

– Не знаю, баобаб, наверное. Ты, давай не отвлекайся, Антон. У меня вообще-то времени мало. Значит, так, – лицо Быкова сделалось серьезным и сосредоточенным, – на сегодняшний день у нас есть основания полагать, что в область регулярно поступает контрабандный продукт. А именно – черная икра.

– Эх ты! – удивился Антон. – А что, есть смысл привозить ее контрабандой? Ее так много потребляют и она так дорога?

– С особенностями промысла черной икры и ситуацией в стране ты познакомишься позже, пороешься в компьютере. Я скажу лишь только, что маленькая баночка в несколько десятков граммов стоит больше тысячи рублей в розничной продаже, а на черном рынке килограмм ее – уже десятки тысяч. Добыча, к твоему сведению, в России на несколько лет приостановлена для восстановления популяции осетровых. Есть несколько рыбзаводов, которые выращивают рыбу и добывают икру, но это мелочь.

– То есть все остальное – чистое браконьерство, – догадался Антон. – Если в других областях ситуация выглядит так же, как и в нашей, то в каких же объемах браконьеры вылавливают нерестящуюся рыбу?

– Думаю, Антон, что в страшных объемах, и думаю, что соответствующие органы там напрочь прогнили и... провоняли рыбой. Но вернемся на уральскую землю. Ты в торговле и экономике не очень силен, поэтому я тебя немного просвещу. Установить поставщика не удастся, как бы мы этого ни хотели. В накладных, договорах поставки будет указан какой-нибудь перекупщик, которого мы никогда не найдем. Это или фирмы-однодневки, или вообще просто изготовленные или подделанные печати. Но по накладным проходит очень маленькое количество икры, большая часть идет нелегально. Представь, у тебя по накладным числится на складе десять килограммов икры. Ты реализуешь их все, а по документам показываешь только килограмм. То есть подкладываешь все новые и новые партии под старые накладные. Икра, конечно, имеет обыкновение, как и любая рыбная продукция, портиться, поэтому до бесконечности в такие игры играть нельзя, но учти, что точек много, а икры на каждой мало. В супермаркетах – это одно, а вот в ресторанах – совсем другое.

– У меня к вам сразу масса вопросов, – сказал Антон, идя рядом с Быковым, где это позволял лес, – но я задам только главные. А кордоны на дорогах ничего не дают? Или вы в целях секретности операции их не выставляли?

– Умный мальчик, – хмыкнул Быков вместо ответа.

– Ясно, – кивнул Антон. – Этот комплимент следует понимать так, что борьба с контрабандой икры в области стала походить на бой с трехглавым змеем.

– Со змеем-невидимкой!

– Значит, обыск машин ничего не дает и ни разу не дал. В поездах тоже ничего найти не удалось. Судя по стоимости черной икры, на которую вы намекали, Алексей Алексеевич, смею заверить, что у нас грандиозная утечка информации. Но специфика, с которой я успел познакомиться и о которой нам говорили в институте, заключается в следующем. Если кто-то хочет отвести от себя подозрения, то он пожертвует малым ради большего. В шахматах это называется «гамбит». Здесь же никто не сдает, не вылавливает мелкие партии, чтобы протасовать крупные. Почему? Я думаю, что причина одна – за этой контрабандой стоит кто-то из высокопоставленных полицейских. И он не просто крышует этот бизнес, он его организатор и хозяин.

– Объяснись, – потребовал Быков.

– А чего здесь объяснять, когда все очевидно. Товар имеет баснословную цену на черном рынке. И кто-то умудрился не просто создать, а тщательно подготовить и умело охранять канал поставок – это под силу только старшему офицеру полиции, имеющему высокую должность в областном ГУВД. Такой вот практически неуловимый канал.

– Правильно мыслишь, – похвалил Быков. – Надеюсь, что остальные вопросы у тебя отпали. Например, почему это вдруг мы заинтересовались икрой?

– Не все.

– Правильно, – снова повторил Быков с еле заметной усмешкой. – Вот ты этим делом и займешься. Я вернусь сегодня, но очень поздно. Твоя задача – познакомиться подробно с этой «кухней» в стране и подготовить план работы по обнаружению, внедрению и разоблачению преступной группировки, во главе которой стоит офицер полиции нашего ГУВД. Если вопросов нет, то я уехал.

Задавать вопросы на этой стадии – бессмысленное занятие, хотя у Антона их были десятки. Наверное, Быков прав. Пока не погрузишься в проблему с головой, задавать вопросы не стоит. И времени терять тоже не стоит. По мере ознакомления многие вопросы действительно отпадут сами собой.

Антон возвращался домой, когда на улице было уже темно. Давно отправились по домам смотреть вечерние сериалы бабушки, давно загнали домой детвору из дворовых площадок. Да и молодежь уже не бродит парочками по вечернему и ночному городу, теперь можно ходить в ночные клубы.

Это было правило, одно из многочисленных, которые Антон придумал и установил для себя. Всегда помнить о возможной слежке за собой и независимо от ее наличия всегда принимать меры к тому, чтобы сбросить хвост, то есть уйти от возможного наблюдателя. Он вступил в борьбу с очень опасным противником, безжалостным, хитрым, обладающим большими возможностями. Он охотится не просто на преступников, а на преступников в погонах. А у них есть техника, возможности, опыт. У них есть помощники. Часть из них такие же преступники, а часть просто выполняет приказы, не зная, что отдающий их офицер – сам преступник, а человек, за которым он приказывает следить, тоже сотрудник полиции.

Чем позже ты возвращаешься домой, тем больше гарантия, что кто-то увидит тебя входящим в свой дом, в свою квартиру. Чем меньше людей знает, где ты живешь, тем дольше ты вообще проживешь. И уж, конечно, процедура попадания в квартиру. Все эти хитроумные «маяки», которые во множестве использовал Антон, чтобы быть уверенным, что в его отсутствие в квартиру не проникали посторонние. И, только убедившись, что его «маяки» целы и не тронуты, он входил и позволял себе расслабиться.

Это было необходимо, потому что нельзя постоянно находиться в напряжении. Даже металл от этого «устает», даже стальная пружина боевого взвода ослабевает, если держать пистолет со взведенным курком. И пистолет может дать осечку, и человек.

А еще Антон испытывал удовольствие от того, что у него все-таки был дом. Свой настоящий дом. Когда погибла мать, он учился в школе, а несовершеннолетним детям в нашей стране жить в одиночку в своей квартире запрещено. Получилось, что и квартиру иметь им тоже запрещено, потому что Антона сразу определили в школу-интернат, а квартиру забрала районная администрация. Правда, с обещанием предоставить аналогичную по мере достижения совершеннолетия и выпуска из школы-интерната.

Но из школы Антон отправился служить в армию. Отправился не только добровольно, но и тщательно готовился к этому. И его с удовольствием взяли, как он и просил, в воздушно-десантные войска. И не просто в ВДВ, а в разведподразделение, учитывая его спортивные достижения. Потом он вернулся и поступил в Юридический институт МВД России. По правилам обучения курсанты должны жить в казарме, и квартиру Антону опять не дали. А потом не дали, потому что он отправился по распределению в район.

И вот теперь, спустя почти десять лет, у него наконец был свой дом. Это не просто стены, это место, где можно побыть самим собой, где можно отгородиться от всего мира, где можно хранить дорогие тебе вещи. Это место, где человек создает себе свой собственный маленький мирок, отдушину.

Все было привычно, все делалось почти механически. Переодеться, умыться, сунуть в микроволновку тарелку, включить чайник, потом телевизор и откинуться на спинку кухонного мягкого уголка. Новости, события в городе и области, события в стране, в мире. А после ужина – обязательная работа в Интернете. Поиск информации, нужной для выполнения текущего задания.

То, что рассказал сегодня Быков, было для Антона ново. Он никогда не задумывался о стоимости черной икры, поскольку никогда ее сам не покупал. О том, что она вроде как дорогая, он, конечно, слышал, но не более того. Теперь же, порывшись в Интернете, Антон столкнулся с такой информацией, которая перевернула его представление об этом производстве и этом бизнесе.

Оказалось, что с 1 августа 2007 года вступили в силу поправки к Федеральному закону «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» об уничтожении конфискованной (добытой преступным путем) икры осетровых пород рыб. Какая-то часть икры при добыче для целей воспроизводства (так называемые научные квоты) и акклиматизации выбрасывалась, то есть признавалась негодной к оплодотворению и производству малька. Такая

икра направлялась на промышленную переработку и дальнейшую реализацию в торговые сети России, считаясь легальной и законно добытой.

Антон сделал себе пометку разобраться с этим вопросом подробнее. Наверное, есть какие-то нормативы, правила, что-то, на чем можно злоумышленников как-то вычислить. Но следующая информация заставила его пересмотреть свое решение. Оказалось, что позднее продажа икры из научных квот была все же запрещена. Из этого же источника Антон почерпнул информацию, что в торговых сетях продается только икра, полученная в аквакультурных хозяйствах от выращенных в них рыб осетровых пород. Производство и продажа такой икры в России законом не ограничены. Потом Антон нашел ссылку, что в 2007-м планировался к принятию законопроект о введении в России госмонополии на вылов осетровых и продажу черной икры сроком на ближайшие 15 лет, однако на данный момент не вышло ни одного распоряжения правительства или законодательного акта, запрещающего продажу черной икры.

Ну, что же, теперь все ясно. Лично кому-то в правительстве нужно, чтобы законная добыча черной икры на рыбных фермах оставалась в частных руках, то есть в их руках. Легальный и страшно дорогой бизнес. Дороже только торговля наркотиками и оружием. А что все-таки с ценами? Антон полез по объявлениям и уже через десять минут был совершенно ошарашен. По ссылкам он выяснил, что, например, в 2005 году у них в городских магазинах икра русского осетра стоила 230 евро за килограмм, а в супермаркетах даже 450 евро. Очень выгодно оказалось поставлять икру за границу, потому что в Европе она шла в розницу уже дороже – 1000 евро за килограмм. Дешевле всего шла севрюжья икра, 200 евро за килограмм.

На московских продуктовых рынках торговать черной икрой оказалось тоже весьма прибыльно. 500-граммовая баночка белужьей икры стоила в среднем 20 000 рублей. А дальше Антона ждал сюрприз. Он узнал, что в России большая часть оборота черной икры приходится на черный рынок. По некоторым исследованиям, официальная добыча этого деликатеса в России в 2010 году составила 19 тонн, а нелегальная – около 225 тонн. На порядок выше!

Антон нашел прайс ближайшего супермаркета. Икра черная осетровая зернистая «Классик Малосол», 50 г – 2280 рублей. Он прикинул размеры этой баночки и согласно кивнул головой. Да, очень выгодно, потому что большие деньги платят за малый объем! Удобно транспортировать, не надо нанимать «КамАЗы», товарные вагоны, самолеты. На несколько миллионов можно привезти на стареньких «Жигулях». Вон 100-граммовая баночка стоит 4480 рублей, а 250-граммовая – 13 000. Несложно подсчитать, что килограмм стоит 52 тысячи, и догадаться, что оптовая цена гораздо меньше, пусть 30 тысяч за килограмм. Сколько в те же самые старенькие «Жигули», чтобы не привлекать внимания, можно нагрузить? Даже если килограммов сто, за одну ходку получается три миллиона.

Пора было начинать продумывать план работы. Антон снова уселся за ноутбук и открыл чистую страницу электронного документа. Итак, задача ясна – выйти на высокопоставленного офицера ГУВД. Цель? Доказать преступную деятельность, разоблачить преступную группировку, которую данный человек создал. А коль скоро известен преступный промысел, то и пути подхода напрашиваются сами собой. Выйти на этот бизнес можно через канал поставки черной икры.

И пошли нумероваться пункты. Задание агентуре в торговой среде и близкой к инспекторам ДПС. Задание агентуре в уголовной среде, которая тяготеет к экономическим преступлениям. Задание агентуре среди «быков» – людей, имеющих спортивную или боевую подготовку, которых уголовные авторитеты используют для охраны, силовых акций и прочего.

Дальше! Собственно внедрение. Этот пункт целиком отталкивается от собранной на первом этапе информации. Здесь торопиться нельзя. Если начнешь каждый раз прикидываться блатным, уголовником, аферистом и соваться в различные круги, то можно за пару месяцев засветиться везде где угодно и стать непригодным для подобных операций. Внедряться надо

в очень узкий, тщательно определенный круг. Желательно на том этапе, на котором уже ясно, что группировка будет ликвидирована и все, кто тебя знал, сядут.

Дальше. Непосредственно среда потенциальных покупателей. В ряды рестораторов внедриться, конечно, не удастся, а вот около них покрутиться следует. Не сам же ресторатор все делает. Его только идеи, а исполняют другие. Вот к ним и нужно приблизиться. Затем есть еще люди, которые организуют поставки в крупные супермаркеты. Там объемы закупок – ого-го!

Теперь второстепенная, но нужная информация. Происшествия. Кто-то что-то не поделил, с кем-то кто-то разобрался. Странные немотивированные убийства, покушения на убийства. Не из-за икры ли? Происшествия на дорогах тоже нужно учитывать и отрабатывать. Некоторые деятели очень любят маскировать свои деяния под автомобильные катастрофы. Надо понять, прочувствовать ситуацию. Ведь в контрабанде черной икры есть свои риски, свои стандартные ходы, как и в любой другой контрабанде, просто товар иной, быстро портящийся.

Антон оторвался от экрана и откинулся, закрыв глаза, на спинку кресла. Итак, контрабанда. Это прежде всего тайный, тщательно скрывааемый от государственных органов поток товара, предназначенного к реализации в розничной сети. Значит, получателем его будут торговцы. Поток – это важно. Поток, которым наверняка не против завладеть конкуренты, который защищают любой ценой от правоохранительных органов, который имеет свои специфические способы защиты.

В голове стала всплывать информация, почерпнутая на занятиях в институте, все, что там рассказывали в курсе оперативной работы об особенностях этого преступного промысла. Наиболее удобный транспорт в зависимости от вида контрабандного товара, легенды, тайники, подкупаемые должностные лица.

Антон стал нумеровать. Первое – автомобильный транспорт, имеющий рефрижераторное оборудование, причем не «минусовое», а именно холодильное. Второе – пассажирские поезда, а точнее, холодильники под полом в вагонах. Самолеты отпадают, потому что там холодильники и так под завязку используются для продуктов питания, там лишнего места нет, как нет и возможности переправки лишнего веса. Теоретически можно всех обмануть, взять меньше багажа и пассажиров, меньше продуктов и не кормить никого в полете, но это все очень заметно и знать об этом будет очень много людей.

Глава 2

Когда Антон приехал на место преступления, уже совсем рассвело. Недовольный и невыспавшийся Быков расхаживал по обочине дороги, заложив руки за спину и низко опустив голову. Сейчас он напоминал бычка или здоровенного барана, готового кинуться в схватку. Объектом нападения Антон сразу же почувствовал себя.

– Неплохо живешь, – вместо приветствия проворчал полковник, – отсыпаясь в постельке, приезжаешь позже начальства. Кто кого уговаривал сюда ехать?

– Алексей Алексеевич, – попытался разрядить обстановку Антон, – прошло всего тридцать минут. Это вы каким-то чудом оказались тут раньше меня.

– Чудом, – ворчливо повторил Быков. – Какое, к черту, чудо, когда я еще домой не ездил, ты меня в кабинете застал своим звонком. Пошли, будем смотреть.

Антон послушно пошел следом за полковником с некоторым чувством вины. Вот он немного обиделся, что Быков стал ему выговаривать, а Быков, между прочим, уже сутки на работе, а может, и больше. Он, между прочим, с пониманием отнесся к идее своего молодого субалтерна, то бишь младшего офицера, и поперся на место преступления, потому что этому субалтерну приспичило. Поверил, значит, что Антон резонно воспринял это преступление как, возможно, относящееся к его делу. А самому Антону размахивать служебным удостоверением не стоит, да и в удостоверении у него написано, что работает он в Управлении собственной безопасности. Это всем присутствующим мгновенно запомнится, и слухи пойдут нехорошие. Вот и приходится полковнику Быкову каждого сопливого субалтерна прикрывать.

Первое, на что Антон обратил внимание, – это номера «Газели». Так и есть, 30-й регион, Астраханская область. Собственно, это единственная причина, по которой Антон сюда и прилетел, как только поступила информация о преступлении. Наверное, это и Быкова подтолкнуло на активные действия. Астрахань, черная икра, до Екатеринбурга не так уж далеко. Какие еще ассоциации и особые подозрения нужны? Ах да! Труп водителя и машина, загнанная за лесополосу вдоль дороги.

Криминалисты со следователем еще не приехали, и можно было, прикрываясь полковничьей формой Быкова, походить и посмотреть вокруг. Два инспектора ДПС, которые обнаружили машину, естественно, спрашивать документы у полковника полиции не стали, а терпеливо ждали опергруппу. Благо, и полковник никуда не лез, следов не затапывал, улики не уничтожал. Топтался в сторонке и кого-то ждал. Потом приехал какой-то парень в гражданке, и они стали с полковником топтаться вдвоем, но уже ближе к машине и трупу. Инспекторов это не особенно интересовало, потому что позади бессонная ночь, а впереди не долгожданный отдых, а корпение над рапортами по поводу этой астраханской «Газели».

Быков остановился за несколько шагов до задней стенки контейнера и молча стал смотреть, что можно было расценить как предложение Антону самому начинать делать выводы.

– Ломали грубо, – кивнул Антон на свернутые набок запоры и сбитый навесной замок. – Интересно, а у водителя ключа не было? Или брезговали у убитого в карманах рыться? Странно, правда, Алексей Алексеевич?

– Наличие ключа в карманах убитого определяют криминалисты. Не зацкливайся на нем. Хотя согласен, ключ должен быть.

– Отсюда плохо видно, но, по-моему, там внутри, – показал в сторону открытой створки контейнера, – какое-то тряпье, барахло. Такой товар только на рынке на лотках раскладывать. Не взяли, потому что дешевое тряпье? Времени не хватило? Позже хотели приехать и перегрузить? Кажется, ни один вопрос не подходит. Похоже на спонтанное ограбление. Напали на первую попавшуюся машину с целью пожить, а там ничего интересного не оказалось.

Ограничились кошельком водителя и все. Например, это могли быть наркоманы, которые очень спешили, потому что вот-вот ломка начнется, а дозу еще купить надо.

– А чего их понесло за город? – с сомнением возразил Быков. – Грабануть жертву можно и в городе.

– С пикника ехали, – предположил Антон. – Увидели иногороднюю машину, решили, что водитель в такую даль без денег не заберется, вот и грабили наверняка.

– Н-ну... может, и так, – пожал плечами Быков. – Пойдем, на труп глянешь.

Делая большой крюк, чтобы не затоптать следы, Быков повел Антона туда, где лежало тело водителя. Метрах в десяти от «Газели» между двумя березами белела футболка. Вблизи хорошо видны были раны и кровавые пятна на одежде. Тело лежало лицом вниз, чуть скрючившись.

– Грубо, – заметил Антон.

– Что «грубо»? – не понял Быков.

– Убивали грубо. Торопливо и неумело. И умер он не сразу. Три ножевых ранения в области спины, думаю, что в области живота или груди тоже есть. Под телом много крови. Шушера какая-то, может, залетные. Несерьезно как-то все.

– И что? – пристально посмотрел на подчиненного Быков. – Уезжаем? Тебе все ясно?

– Все было бы ясно, если бы не астраханские номера. И в кузов бы заглянуть, а потом уже можно ждать результатов от криминалистов.

– Ладно, – после короткой паузы согласился Быков. – Давай, только аккуратно. Инспектора вроде задремали у себя в машине.

– Я ботинки сниму.

Быков хмурился, но терпеливо ждал, пока Антон вылезет из кузова. Полковник понимал, что они пошли на серьезное нарушение и в случае чего отписываться и объясняться им обоим придется очень долго. Но на Антона можно было положиться. Умел он не оставлять следов, это Быков знал точно.

Наконец Антон появился. Он оперся на плечо Быкова и мягко прыгнул на траву.

– Как я и предполагал. Тряпье! Дешевые носки, детские колготки, футболки какие-то «самопальные». Такое ощущение, что это даже не китайского производства, а какого-то отечественного кооператива. Просто в мешки навалено и резинками связано в пачки по десяткам. Ни упаковок, ни фирменных ярлыков. И все разворочено, раскидано. Наверное, искали что-то более ценное, но не нашли. Я, кстати, тоже.

– Значит, думаешь, что грабители надеялись на ценный груз, а его не оказалось?

– Думаю, что так. В любом случае надо ждать заключений экспертов. – Антон вдруг замолчал и стал смотреть на посветлевшее утреннее небо. Потом снова заговорил, все так же глядя в небо: – Преступление мне уже не кажется нелепым. Тут как раз все выглядит более или менее логичным. Смущает другое. На кой черт было тащить это барахло из Астрахани в Екатеринбург? Товар копеечный, дорого не продашь. Бензина больше спалишь, чем заработаешь.

– Может, он его вез попутно. Ехал, скажем, на родину, в гости, а чтобы порожняком машину не гнать, решил хоть часть дороги окупить. Вот и набрал дешевого товара, а тут собирався его оптом торговцам сдать. Установим личность – выясним родственные связи.

– Есть, Алексей Алексеевич, еще вариант, – усмехнулся Антон. – Он вез это барахло в какой-то детский летний муниципальный лагерь отдыха, поэтому все такое дешевое. Например, у него там «прихват», обещали купить для детей.

– Почему ты считаешь, что лагерь детский? Там в машине только детское тряпье?

– Почти. Но дело не в этом. Просто под мешками на полу валяется одна конструкция, что-то вроде заготовки для детского туалета. Лист толстой фанеры на каркасе из брусков, а в нем ряды прорезей овальных, как в уличных туалетах с выгребной ямой.

– Ты где это такие туалеты успел увидеть? Вроде в наше время их и не строят уже.

– Видел! Давно, правда. Но это я так, к слову, ассоциация возникла.

– Ладно, поехали отсюда, – приказал Быков. – Результаты осмотра места происшествия, содержимого машины и вскрытия тела я тебе достану. Выводы делать будем потом.

Вестей от Быкова не было больше суток. Антона подмывало позвонить шефу и узнать, как обстоят дела с результатами экспертизы, но он понимал, что Быков молчит не потому, что забыл про него и про свои обещания, просто пока нет у него этих результатов.

А потом по своим каналам Антон узнал, что на территории поселка Маяк обнаружены три трупа с признаками насильственной смерти. Это было уже интересно. Когда за окном двадцать первый век, когда ты живешь в крупном промышленном центре на Среднем Урале, то невольно обращаешь внимание на такого рода преступления. Ладно, если бы труп был один. Бывает, что один человек убивает другого. Пьяная ссора, в дом влез грабитель, чувство личной неприязни, заказное убийство, в конце концов. Но когда трупа сразу три!

Антон стал вспоминать все известные ему случаи группового убийства. Он помнил массовую драку, в результате которой были убиты несколько человек. Помнил про случай, когда одна преступная группировка перестреляла несколько человек из другой группировки. Кстати, примерно в таком же загородном домишке во время пьянки зашли двое и с двух рук из пистолетов положили несколько человек. Были случаи отравления угарным газом и пропаном, но сюда они не подходили, тут явные признаки насильственной смерти.

Ничего другого Антон придумать не смог. Получалось, что это чистая «бытовуха» и чисто бандитская разборка. Остальное должна дать работа экспертов-криминалистов. Значит, снова надо теревить Быкова и просить раздобыть заключения.

Преступление произошло вчера, опергруппа выезжала на место преступления в Маяк тоже вчера. Антон решил, что стоит съездить в этот поселок. Тем более позвониться до Быкова не удалось и пришлось ограничиться эсэмэской, что ему срочно нужно переговорить.

Дом, в котором совершено убийство, оказался заброшенным бревенчатым срубом на окраине поселка. Бревенчатые стены осели, завалинки давно рассыпались, а крыша провалилась в двух местах. Почерневшие остатки сеней и ступеней ведущей в дом приступки, окна с запыленными и местами разбитыми стеклами, от забора остались только несколько торчащих из земли палок.

Антон смотрел на это убожество и мысленно радовался. Будь это другой дом, более целый, даже жилой, то обязательно кто-нибудь сюда уже залез бы. Алкаши поискали бы, что продать и пропить, за цветным металлом могли влезть. Но в своем нынешнем состоянии этот дом выглядел настолько зловеще, что заходить в него нормальному человеку не захочется. Особенно зная, что там только что лежали трое «злодейски убиенных».

Антон не торопясь обошел вокруг дома и осмотрелся. Дом в самом деле стоял немного особняком, ближе к речке. Река Серебрянка возле поселка расплзалась в стороны и образовывала приличное расширение. Течение тут было не очень стремительное, поэтому берега частично заросли карагозом и, наверное, заилились. А вон и коровьи следы, местные не могли удержаться, чтобы не использовать это место под водопой скота.

Чуть левее берег порос ивняком и кустарником. Видимо, тут рыбачить удобно: тихая заводь, тенистое местечко, камыш. Интересно поговорить бы с местными рыбаками, может, они что и видели. Хотя оперативники из уголовного розыска наверняка всех возможных свидетелей уже опросили. Ладно, вернемся к дому.

Антон обошел дом со всех сторон, вглядываясь в траву, осматривая стены и окна. Он понимал, что это, скорее всего, бессмысленно, потому что все уже осмотрено до него, но представление составить хотелось свое, а не по строкам протокола. Как и предполагал, осмотр ничего не дал. С трех сторон к дому не подходили уже лет десять. Ни вмятины от ноги на земле, ни сломанного кустика или примятой травы.

А вот со стороны двери виднелась хотя и еле заметная, но тропинка. Следов на ней увидеть невозможно, потому что когда-то ее засыпали щебнем и битым камнем, но трава, пробивающаяся на поверхность между камнями, была заметно притоптана. Значит, домом пользовались. Непонятно пока, для каких целей, но пользовались. Мало того, приходили сюда почти каждый день. Мужики прятались от своих баб, чтобы «накатить»? Возможно. Только непонятно: этих мужиков поубивали, что тут «втихаря» водку глушили, или других, кто почему-то тоже сюда пришел?

Плохо, не зная результатов экспертизы, лезть на место происшествия, глядишь, и версия какая-нибудь родилась бы. А так будешь бродить и гадать. Хотя если следов так и не будет, то и гадать не о чем. Снаружи их нет, а что там внутри?

Антон приблизился к почерневшим растрескавшимся ступеням. Над головой небольшой деревянный навес, опирающийся на трухлявые столбы. Как еще не рухнул от времени? Доски на приступке перед дверью тоже трухлявые, и щели между ними в палец шириной. Интересно, приходило кому-нибудь в голову разобрать эту конструкцию и посмотреть, что в щели падало? Обязательно должно было падать много всякой мелочи. Монетки, пуговицы, женские заколки, булавки, шприц, игла от него, пакетик из-под дозы героина... гильза от пистолетного патрона.

Он все-таки решил, что это подождет, важнее, что там внутри, с неудовольствием повел носом и взялся за ржавую дверную ручку. Из-за неплотно прикрытой двери тянуло сыростью, прелой гнилью и смертью. Не трупным запахом, а именно смертью. Антон ощущал ее всегда очень точно.

Луч маленького светодиодного фонарика скользнул по полу и стенам сеней. Короткий почерневший тюль на узеньком окне, похожий на столетнюю паутину, стол, свалившийся на бок, потому что у него не было двух ножек, на нем остатки клеенки непонятного рисунка со специфическим запахом грязи. Вторая дверь вела в сам дом, из дерматина пучками торчали клочья ваты и какого-то тряпья, и среди этих пучков старинная металлическая ручка с деревянной накладкой. Когда-то это была шикарная ручка, современная, привезенная, на зависть соседям, из райцентра и купленная, скорее всего, в новом универмаге.

Антон потянул за эту ручку. Просевшая от времени толстая тяжелая дверь со скрежетом стала сопротивляться, цепляясь за порог. Открыв на треть, чтобы можно было потом протиснуться, Антон оставил ее в покое и посветил внутрь дома. Теперь уже смерть не просто ощущалась, она пахла. Это был запах запекшейся крови, разбрызганного мозгового вещества и засохших рвотных масс. Сквозь него немного пробивался запах рыбы, неистребимый и ничем не перебиваемый, разве что керосином.

Так и есть. В луче света фонарика и рассеянного серого света, пробивающегося сквозь грязное стекло окна, он увидел очерченные мелом места расположения трупов. И располагались они возле стола – старого, ободранного, застеленного газетами и разодранным магазинным пакетом, но целого. За ним, видимо, и сидели. Лавка, только изготовленная не для дома, а дворовая, неструганая, и стул. Один крепкий темно-коричневый стул. Сразу же возникло подозрение, что стул и лавку где-то украл и притащил сюда.

Антон повел лучом света в сторону и увидел старый громоздкий диван с высокой спинкой рядом с большой русской печью. Печь старая, с обвалившейся глиняной обмазкой, ею давно не пользовались, а вот спали на ней недавно. И подушка вон торчит углом, и одеяло ватное. Значит, тут пили, тут и спали.

Антон снова навел луч на пол возле стола. Стул и лавку поставили на место уже полицейские, в этом не было сомнений. Люди, которые на них сидели и которых тут убили, свалились и замерли на полу в характерных позах. Только один пытался отползти к окну, но не успел, это его перед смертью вырвало. А убивали их из огнестрельного оружия, наверное, с глушителями, иначе бы услышали соседи. В наше время доступной мобильной связи кто-нибудь обя-

зательно бы позвонил в полицию, местному участковому. Да, решили не рисковать, стреляли тут с глушителями.

Антон стал считать выстрелы по пятнам крови. Вот этого застрелили, когда он сидел за столом на лавке. Он схватился за простреленную грудь и начал валиться назад, а рука непроизвольно схватилась за край стола, но он не удержался, упал на спину, перевалился на бок и больше не шевелился. А вот это пятно и брызги появились после выстрела в голову.

Другой сидел на лавке чуть дальше и успел, наверное, вскочить на ноги. Когда в грудь попала первая пуля, он отшатнулся к стенке и согнулся пополам. А вот и вторая пуля – в стене, края пробоины темные, значит, выстрелили в него второй раз, но пуля прошла краем, через мягкие ткани навывлет. Человек сполз по стене, размазывая спиной кровь, и так и остался лежать, привалившись спиной к стенке и подогнув ноги. Был и третий выстрел – тоже, как и в предыдущем случае, в голову.

Ага, самым шустрым оказался третий, который сидел на стуле. Этот от стола отскочил в сторону, а может, его за столом и не было в тот момент. Кровь на полу в двух метрах от стола, причем размазанная – или полз, или крутился на месте от боли. Получалось, что убийца или убийцы, что вернее, не особенно спешили, неторопливо делали свое дело. Антон даже представил на их лицах брезгливые ухмылки. Конечно, скучная работенка, рутина...

Он еще раз посветил на стол и задумался. А чем занимались перед смертью эти трое за столом? На столе-то пусто. Газеты постелены старые, вон их сколько возле печки валяется. Но газетами и разорванным пакетом застелен не весь стол, на весь их не хватило. И человек, который, падая, мазнул окровавленной рукой по столу... Стоп! Антон пригляделся, наклонившись к самой поверхности. Ровный край, как обрез. Вот кровавая полоса шла, а вот тут она оборвалась, как будто ее обрезали. Это может означать только одно: часть стола была чем-то покрыта и это что-то собрали и унесли. Унесли вместе с тем, что стояло или лежало на столе. А потом для видимости застелили подвернувшимися под руки материалами. Ну да! Если посмотреть вдоль плоскости, то и пыли-то на столе особенно не видно.

Стреляли сразу и наверняка, делали контрольный в голову, с места преступления изъяли нечто, что имеет отношение к преступлению, точнее, к причинам. Подсказку унесли! Вот пока и вся картина, все, что удалось разглядеть на месте преступления. Если к этому присовокупить информацию, что трое убитых были ранее судимы и на момент убийства не имели определенных занятий, то выплывал еще один вывод о криминальной разборке, следствием чего и стало тройное убийство.

Антон вышел из дома под летнее солнечное небо, и ему сразу захотелось вздохнуть полной грудью. Там, в доме, и дышать-то не хотелось, так сильно давила аура беды, ненависти, злобы. Нет, те, кто убивал, были равнодушными, а вот те, кого убивали... Они были сильно напуганы, сильно обижены и разозлены. Наверняка догадались, почему появились киллеры и за что их убивают. Но это все эмоции, их к делу не пришьешь, да и Быков эмоций терпеть не может.

Антон пошел к реке. Обычно то, что хватают и выносят с места происшествия, бросают сразу и не очень далеко, если унесенное не имеет конкретной материальной ценности. Улики, например. Тащить с собой далеко – рисковать нарваться на полицию. Нет, от улики избавляются довольно быстро, это еще в институте говорили на занятиях. А где здесь рядом можно надежно от них избавиться? На дне реки – это же очевидно.

Идя в сторону реки, Антон не надеялся найти нечто, проливающее свет на преступление. Он вообще не видел связи этого преступления со своим делом о контрабанде. Просто, раз уж приехал, надо доводить дело до конца. И он пошел его доводить, осторожно ступая по траве, внимательно глядя под ноги и по сторонам. Ведь крохотную бумажечку, самую незаметную улику может унести ветром, зацепить за травинку, за веточку. Ее могли просто обронить по дороге к реке.

Антон не надеялся что-то выловить в реке – тут работа для водолазов, и не на один день. Просто он хотел осмотреться, понять поведение убийц. Как шли к реке, куда могли бросить сверток, кто мог видеть. Найти улику можно в самом неожиданном месте, если знать, что за улика тебе нужна. Например, самое топкое место возле берега, где тина и ил. Шел человек, продираясь сквозь кусты, чтобы бросить нечто в воду и... черт, какая неудача, оступился и нечаянно наступил в грязь ботинком. Наступил и забыл. А для полиции это след, улика, доказательство, потому что одинаковых отпечатков обуви практически не существует, так же как и двух одинаковых рисунков папиллярных линий на пальцах.

Берег оказался чистым, и никакого заиливания, заболачивания Антон не заметил. Да, буйная растительность в тех местах, где образовывались тихие заводи. Не везде можно свободно подойти к воде, особенно если ты босиком и собрался купаться. Но вода мутная, чего и следовало ожидать. А идти в поисках улик можно долго, наверное, весь этот участок расширения реки обойти придется, хотя бы для очистки совести.

Шум детских голосов привлек внимание Антона и заставил остановиться. Стоит ли показываться местному населению? А почему не стоит? Мало ли кто и зачем тут бродит? Может, человек в гости приехал и хочет пройтись, может, хочет тут дом купить и осматривает окрестности? Или это заядлый рыбак, присматривающий местечко, где можно душевно зорьку скоротать?

Пацаны ловили раков, что сразу напомнило Антону его далекое детство. Пару раз он с приятелями тоже отправлялся на «охоту» между корягами и в камышах, но особого удовольствия от «раколовства» в те времена не получил, как не получил и удовольствия от вкуса вареных раков. Сейчас же внимание Антона привлекла находка пацанов. Четверо измазанных в иле и мокром песке загорелых мальчишек возились на берегу. Антон сделал несколько шагов и остановился, чтобы посмотреть, что это они там в реке выловили, уж больно много шума и споров.

– Привет, хлопцы! – издалека громко крикнул он. – Бомбу нашли?

– А? Че?

Четыре пары глаз уставились на незнакомца, четыре носа дружно шмыгнули. Между загорелыми и исцарапанными за лето ногами пацанов виднелся термос. Хорошо знакомый каждому, кто служил в армии, самый настоящий армейский 24-литровый термос. Зеленый, овальный, с крышкой на защелках. Смутило Антона другое, заставившее на миг потерять контроль и замереть на месте чуть ли не с открытым ртом. В термосе зияло отверстие. И так как термос был военным, в голову сразу пришла мысль, что дырка в нем именно от пули.

Антон подошел к пацанам, которые, сопя, рассматривали свою находку, опасаясь, что незнакомый дядька заберет ее. Очень старательно водоросли с термоса обирали и на незнакомца не смотрели. Обстановку надо было разряжать.

– Эх, повезло вам, ребята, – с воодушевлением заметил Антон, присаживаясь на корточки. – Настоящий военный термос нашли. Жалко только, что дырявый, а то можно в нем раков домой носить. Вот сюда и сюда ремешки продеть, и получится у вас настоящее крепление для переноски на спине.

Мальчишки заинтересовались, расслабились, и началось горячее обсуждение. Какими бы ушлыми и хитрыми в свои четырнадцать лет они ни были, а взрослому всегда перехитрить детей легче. Антон с энтузиазмом рассказывал, как этот термос устроен, как его можно починить и для чего он в армии применяется. Попутно удалось узнать, кто из пацанов где живет и какие места для рыбалки здесь лучше всего.

То, что дырка в термосе от пули, Антон понял довольно быстро. Отверстие сквозное. На входе края металла загнуты внутрь, на выходе – наружу. И калибр вполне, 9-миллиметровая пистолетная пуля. А еще ему показалось странным, что термос, пролежавший почти сутки в воде, имел внутри рыбный запах. Запах... И в доме остатки рыбного запаха... Дырка в термосе

от пули, и в доме все убиты выстрелами из пистолета. Сравнительно новый термос продырявлен и выброшен в реку. Место вполне подходящее, если бы не пацаны с ловлей раков, никто и никогда бы его тут не нашел. И...

И тут Антон вспомнил. Это произошло так неожиданно, как обухом по голове. Он даже не удержался, потерял равновесие и под веселый смех пацанов плюхнулся на землю. Форма термоса! В сечении он овальный! Машина с астраханскими номерами... Астрахань, рыба, запах рыбы... Термос, конструкция в контейнере «Газели» для установки термосов в ряд, чтобы не попадали. Овальные отверстия, как для детского... Хрен там! Для перевозки термосов, термосов, которые пропахли рыбой, просоленной рыбой... Икра! И барахло сверху, чтобы термосы закрыть! Дешевое и никому не нужное барахло, чтобы спрятать партию икры на несколько миллионов! Как же он мог забыть, ведь в армии тоже нечто подобное в машинах и в бэтэрах использовалось для перевозки термосов.

Быков приехал через сорок минут с двумя оперативниками. Он несколько минут наблюдал, как Антон весело купается с местными пацанами в речушке, и, не прикасаясь, рассматривал валявшийся на берегу термос. Наконец Антон заметил коллег и поспешил на берег, подпрыгивая на одной ноге, чтобы вылить воду из уха.

– Пришлось лезть в грязную воду, – пояснил он, сгоняя ладонями с тела воду, – а то убежали бы по дворам дыру в термосе заделывать. Доказывай потом.

– Это хорошо, – кивнул Быков и повернулся к оперативникам. – Давайте займитесь изъятием термоса. Как положено, опросите ребят в присутствии родителей и дуйте в Управление.

– Место посмотрите? – кивнул головой Антон дальше вдоль берега.

Быков основательно осмотрел не только берег, где ребятня нашла термос, но и дом, в котором произошло убийство, и все вокруг дома. Только через два часа молчаливого осмотра он наконец уселся в тени на пустую лавку возле закрытого на бесконечный ремонт промтоварного магазина и полез за сигаретами.

– Термос отдадут сразу следователю? – на всякий случай спросил Антон.

– Нет, я настоял, чтобы отдали в лабораторию. Следователь уже постановление о проведении экспертизы подписал. Заочно.

– Умеете вы людей убеждать, – хмыкнул Антон.

Быков замечание пропустил мимо ушей. Сбить его с мысли было невозможно, наверное, и танком.

– Так, давай по порядку и с самого начала, – монотонно заговорил он.

– Давайте, – подхватил Антон. – Сначала, я молодец, что обратил внимание на это убийство и на сообщение о «Газели» с астраханскими номерами...

– Не отвлекайся, – осадил его Быков. – Значит, так, «Газель» из Астрахани! Водитель убит в нашей области, налицо явные признаки убийства с целью ограбления. Теперь то, о чем ты еще не знаешь, Антон. Я буквально час назад получил ответ на запрос. Водитель – Лажкин Алексей Юрьевич, индивидуальный предприниматель. Машина в собственности, занимался междугородными грузовыми перевозками, к нам на Урал ездил очень часто.

– Но? – с интересом вставил Антон.

– Что «но»?

– В вашей фразе явно звучит какое-то интригующее «но».

– А-а! Есть, есть такое «но», правильно. Ни в Екатеринбурге, ни в других городах Среднего Урала, равно как Северного и Южного, у Лажкина родственников и близких друзей нет. Не к кому было ему так часто ездить. Вывод? Ездил он сюда по коммерческим делам, выполнял заказы на перевозку грузов. И учти, Антон, в его отчетных документах всегда фигурировали накладные на всякое тряпье, какое ты в кузове его машины и обнаружил.

– Даже так? – улынулся Антон. – Значит, я был прав: тряпки всего лишь прикрытые? Причем в прямом и переносном смысле. И сделку прикрыть, и товар в кузове. Получается, что мы вышли на канал поставки икры к нам из Астрахани?

– Торопись! – строго оборвал его Быков.

– Помню, помню, – снова довольно улынулся Антон. – Торопливость нужна при ловле блох и диареи.

– И когда не знаешь, во сколько возвращается муж твоей любовницы, – проворчал Быков.

– Инсинуации, Алексей Алексеевич. Злой вымысел с целью опорочить кого-либо, – процитировал Антон. – У меня нет замужних любовниц. А этот Лажкин с кем в Астрахани подписывал договоры на перевозку? Контакты какие-нибудь есть?

– Он не из Астрахани, он из райцентра Белуши. А вопросы с заказчиками я пока афишировать не стал, спугнуть можем. Пусть думают, что идет просто расследование убийства.

– А тогда как же мы узнаем, куда и зачем он ехал?

– Правильно, – одобрил Быков. – Но этот вопрос пусть ставит следователь прокуратуры, а не полиция. Кстати, я кое-что предпринял, и запрос, я думаю, сегодня в Астрахань уйдет.

– Намекнули, подсказали?

– Я? Да бог с тобой! Это прерогатива прокурорского начальства, это они подсказывают и рекомендуют своим следователям предпринять те или иные шаги. А вопрос фактически на поверхности – кто поставщик, кто получатель, не лежит ли причина убийства в этой плоскости? Версий у них всего две, как я понял: или стихийное нападение, неподготовленное, или спланированное, но тогда о грузе и маршруте кто-то должен был знать.

– Мог знать знакомый Лажкина, который отношения к поставщикам и получателям не имеет. Просто узнал и организовал нападение. Кстати, водитель почему-то остановился же на трассе? А он не новичок, он знает, что это опасно. Вот вам и причина – его остановил тот, кого он хорошо знал и кого не опасался.

– Если это в процессе следствия всплывет, то я об этом узнаю. Канал информации из прокуратуры у меня налажен.

Быков, как всегда, торопился, и Антону пришлось свои логические рассуждения оставить для мысленных споров с самим собой. Приятно было сознавать, что ты сам, без чьей-либо помощи, одной лишь головой вышел на искомый канал поставки контрабанды в область. Это ведь была его, Антона, инициатива, обрабатывать определенную информацию, это была его интеллектуально-информационная сеть. Вот случай с астраханской «Газелью» и попался в нее. Правда, Быков не до конца верит, что они попали в «десятку». Или просто виду не показывает? Полковник очень не любит спешить и всегда требует обдуманных и взвешенных действий от своих подчиненных. Интересно, а эта поговорка про торопливость и замужнюю любовницу не из его ли биографии? Смешно! Быков и замужняя любовница!

Антон в приподнятом настроении ходил по рынку, собираясь купить свежих помидоров. Не так много у него было пристрастий, и салат из свежих помидоров с растительным маслом – одно из них.

– Ма-аладой, давай пагадаю! – с характерным выговором прозвучало сбоку.

Антон с цыганами ни разу в жизни не сталкивался. Много слышал, но чтобы вот так, самому! Женщина была крупной, моложавой, можно сказать, даже красивой. Портили ее только цветные платки, отличающиеся своей несвежестью, и пробивающиеся на верхней губе жесткие усики. Смотрела цыганка на Антона доброжелательно и бесхитростно.

– Положи денежку, любую, – попросила она, протянув к Антону ладонь. – Что ждет, расскажу, куда дорога приведет, расскажу, про суженую расскажу.

– А без денежки нельзя? – шутливо поинтересовался Антон.

– Нельзя, – категорично отрезала цыганка. – Клади любую. Клади, без нее я будущее не увижу, тебя не увижу.

Антон вытянул из нагрудного кармана несколько купюр, выбрал пятидесятирублевую и положил ее цыганке на ладонь. Женщина накрыла деньги второй ладонью и посмотрела на Антона уже другими глазами. Ее взгляд на миг стал хмурым, потом задумчивым, а потом в нем просквозила жалость.

– Беда у тебя была, большая беда, – вдруг заговорила она. – Жалко тебя. Хотя ты парень сильный, преодолел, вынес все, только сердце твое не отпустило. Нельзя так жить, но это твой путь, крест твой. Дорога тебя ждет, дальняя. Успех тебя ждет в твоих делах, только не поддавайся искушению, не иди у женщины на поводу. Ребенок, не в любви рожденный и выращенный, счастлив не будет. – Цыганка собралась уже уйти, но Антон остановил ее:

– Эй, а про суженую? Ты обещала и про суженую рассказать.

– А для этого опять денежку положить надо, – обернулась она и протянула ладонь: – Да не скупись, не скупись!

Антон покачал головой и положил на ладонь сотенную купюру. Гадалка чему-то усмехнулась и сокрушенно покачала головой:

– А далеко твоя суженая, так далеко, что и не видно. А не веришь ты мне зря. Зачем так много положил, почему сто рублей? Хочешь показать, что ждешь ее не дожدهшься? Так не до нее тебе сейчас, не думаешь ты о ней. А придет время, так и без меня узнаешь.

Хохотнув, цыганка исчезла в толпе, оставив Антона в растерянности под сочувствующими взглядами прохожих. У него был вид человека, которого обокрали, залезли в карман. Но на самом деле гадалка не в карман ему залезла, а в душу. И разглядела в ней все правильно. Все, даже про суженую. На сегодняшний день у Антона в голове не было мыслей о женитьбе, не было потребности обзавестись семьей, наладить быт. Сейчас он был боец-одиночка, сейчас перед ним был враг, которого он раз за разом побеждал. И этими победами Антон еще не насытил свою душу, не удовлетворил свою ненависть, свой гнев.

Смущение в душе от встречи с цыганкой не оставляло Антона до самой ночи. Он долго ворочался в постели и никак не мог уснуть. Осадок от разговора был неприятный. Получалось, что Антон монстр какой-то, вся цель жизни которого сводилась к борьбе. Прямо Че Гевара! Осталось в мединститут поступить и черный берет купить. Серьезных усилий стоило Антону побороть сомнения в душе и убедить себя в обратном. Никакой он не герой-мститель! Он просто честный человек, который не может спокойно смотреть на преступления людей в полицейских погонах, это просто его профессия. А женитьба...

Собственно, с этими мыслями, немного смирившись с собой, Антон и уснул. Зачем думать о женитьбе, когда еще не встретился человек, с которым захотелось бы соединить жизнь, привести в свой дом. И как следствие, ему приснилось в эту ночь нечто, связанное с ночными мыслями. Девушка с неясными чертами шла к Антону из тумана. Он никак не мог разглядеть ее лица и даже во сне понимал, что это нормально. Он же не испытывает ни к кому любви до такой степени, чтобы объект воздыхания по ночам снился. Правда, девушка оказалась рыжей, это он разглядел.

Но это было последнее, что он разглядел, потому что девушка начала звенеть и таять. А потом он услышал звонок уже наяву. Звонок мобильного телефона. Посмотрев на экран, где высветился номер абонента, Антон поперхнулся. Звонил Быков. Вот тебе и образ рыжеволосой нимфы во сне, который наяву оказался образом рыжего начальника.

– Спишь, – не столько с укором, сколько констатируя факт, сказал Быков. – Значит, так, я получил вчера вечером результаты из лаборатории. В термосе перевозилась черная зернистая осетровая икра. Доволен?

– В смысле? – не сразу понял Антон. – А, ну да! Значит, есть все основания полагать, что убитая троица уголовников причастна к убийству водителя Лажкина.

– Непосредственно, – согласился Быков. – Смывы, полученные из заброшенного дома, где их убили, показали, что там повсюду следы этой икры. Похоже, что там ее проверяли и хранили до момента вывоза. Остается непонятным зачем.

– Я тоже хотел обратить на это внимание, – согласился Антон. – Зачем везти термосы с икрой в этот поселок, который находится в стороне от города, в тридцати километрах от места нападения. Не проще ли сразу передать заказчикам? К чему этот перевалочный пункт? Единственное, что приходит в голову, – это то, что исполнителей просто убрали, и сделано это было по приказу организатора. Кто-то решил перехватить канал поставки, это не разовая акция.

– Вот это меня и беспокоит. Не очень верится, что уголовники случайно прознали про «Газель» с икрой и решили разжиться на этом. И что хозяин на них вышел и всех наказал. Кстати, вырисовывается и сама схема нападения на Лажкина.

– Даже так? – Сон с Антона слетел окончательно. – Установили их личности?

– Они все судимые. Элементарное дактилоскопирование трупов все показало. По картеке числятся как некие Крест, Бидон и Валет. Настоящими именами я тебе голову забивать не буду, они тебе ничего не дадут, добавлю только, что Крест имел одну ходку в зону за аналогичные преступления двенадцать лет назад. И схема была надежная. Он подсаживал дальнбойщикам смазливую аппетитную бабу, а та в нужном месте и в нужное время просила остановить машину. По нужде там или плохо ей становилось, неважно.

– Откуда такая уверенность, Алексей Алексеевич?

– Сегодня ночью в канализационном люке нашли труп девушки. Некая Катька Шама, двадцати четырех лет. Судимая за мошенничество, отсидела пять лет. Есть сведения, что она крутилась с нашей троицей.

– Причина смерти?

– Все банально, можно и результатов экспертизы не ждать. Травма черепа и перелом шеи. Ее огрели чем-то по голове, а потом сбросили в глубокий люк головой вниз. Смерть наступила почти мгновенно. Правда, если эксперты еще что-то найдут во время вскрытия, то я тебя извещу.

– Есть какое-то уточнение к моему заданию? – насторожился Антон.

– Да, есть. У нас с тобой сейчас два пути. Один: через связи убитых уголовников выйти на заказчика ограбления «Газели», а через него на хозяина канала поставки. Но, поскольку этот путь очень длинный и непредсказуемый, стоит использовать еще один ход. Этот наверняка даст какой-то результат, и гораздо быстрее.

– Мне ехать в Астраханскую область, в Балуши?

– Разумеется. Поезд вечером, а через три часа встречаемся на конспиративной квартире для получения инструктажа, денег и документов.

– Я поеду «по легенде»? Когда же успели документы изготовить?

– Я в отличие от тебя до четвертых петухов в постели не вытягиваюсь, – не удержался от колкости Быков. – Кое-что сопоставить успел еще ночью, так что времени на изготовление хватило.

Сборы были недолгими. Приняв душ, сунув в небольшую дорожную сумку туалетные принадлежности, пару смен чистого белья и рубашек, Антон через два часа вышел из дома. Тридцать минут на стандартные меры предосторожности, чтобы не навести возможных наблюдателей на конспиративную квартиру, и вот знакомая дверь с забрызганной побелкой кнопкой звонка.

Хмурый, невыспавшийся Быков курил у окна, а капитан из технического отдела их Управления перебирал за столом бумаги. Обернувшись на звук открывающейся двери, Быков дождался, пока Антон войдет и поздоровается. Он еще какое-то время смотрел на своего моло-

дого сотрудника, замершего посреди комнаты. Даже капитан из техотдела с удивлением уставился на шефа.

– Что-то не так, Алексей Алексеевич? – наконец не выдержал Антон.

– Что-то не очень мне хочется тебя посылать, – вдруг проговорил Быков.

Капитан удивился еще больше. Все, кто проработал с полковником Быковым какое-то время, прекрасно знали, что он человек дела и решений. Никто не мог похвастаться, что видел Быкова нерешительным, отказывающимся от принятого решения или разработанного и утвержденного плана.

– Что-то случилось? – спросил Антон, бросая сумку в ближайшее кресло.

– Нет, не случилось, – недовольно проворчал Быков и решительно уселся на стул. – Так, давай к делу! Садись, не торчи столбом.

Вот это был уже прежний, привычный Быков. Даже капитан из техотдела, и тот успокоился.

– Это паспорт, – протянул он Антону документ, – корки настоящие, проверку выдержат по номерам и серии. Выдан в Самаре, прописка у тебя не городская, посмотришь. Это водительское удостоверение. Тут, скажу честно, подделка, но подделка качественная. Надеюсь, сверять номера никому в голову не придет, да и тебе не кредит в банке брать. А вот эта папка – твоя «легенда»!

– Да, – вставил Быков, – ты посмотри внимательно на вокзале, пока поезд ждать будешь. Это тебе не для размахивания, а на тот случай, если кто-то захочет порыться в твоих бумагах. На любопытных рассчитано.

Антон раскрыл папку и стал перебирать какие-то прайс-листы, бланки договоров, доверенности. Два подписанных контракта на поставку крупных изделий.

– Слушай о своей «легенде», – продолжил Быков. – Ты едешь в Астраханскую область как профессиональный посредник, коммерсант. У твоего героя хорошие связи в деловом мире, хорошие наработки в среде производителей. Твой бизнес – посредничество. Ты едешь от имени нескольких собственников ресторанов, сетевых магазинов и заключаешь долгосрочные договоры на поставку сельхозпродуктов, продуктов питания и тому подобного.

– Вот это печать, – достал из портфеля и протянул Антону небольшую коробочку капитан, – ты – индивидуальный предприниматель, зарегистрированный в Самаре.

– Там же в папке, – снова начал инструктировать Быков, – рекомендательные письма от нескольких бизнесменов. Это тебе для веса и правдоподобности.

– А если кто-то из потенциальных партнеров в Астрахани захочет перестраховаться и проверить мои полномочия? – поинтересовался Антон. – Например, позвонить в Самару и навести справки у рекомендателей.

– Зачем? – уставился на Антона своими маленькими бесцветными глазками в обрамлении красных век Быков. – Ты не мудри лишнего, все предусмотрено. В этой среде верят бумагам с печатями. Да и ты ведь заключаешь договоры, посмотришь в папке потом, на поставку с предоплатой. Им-то какой риск? Да и... – Он сделал неопределенный жест своей веснушчатой рукой в воздухе и хмыкнул.

– Что «да и»? – недовольным голосом спросил Антон. – Вы уж до конца все рассказывайте.

– Два письма – настоящие, – еще более недовольным голосом ответил Быков, – остальных они просто не найдут, да и мелочь это, подделка. А двое о тебе знают и подтвердят.

– Круто! – Антон с интересом посмотрел на полковника. – А у вас, оказывается, обширные связи в сфере бизнеса по всей стране!

– А ты думал, – проворчал Быков. – Есть еще люди, которые имеют представление о благодарности. Кто-то из наших наехал, откатов захотел за крышевание, за подписание надежных

контрактов в нашей области. Мы кого-то прищучили, помогли по своей линии – вот тебе и надежное знакомство с бизнесменом из другой области. В частности, из Самары.

– Ну да, – согласился Антон, – логично. Я просто не подумал. Значит, я должен попытаться там заключить договоры на поставку рыбной продукции и черной икры? А вы знаете, что с 1 августа 2007 года вступили в силу поправки к Федеральному закону «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» об уничтожении конфискованной (добытой преступным путем) икры осетровых пород рыб? И что в настоящее время добыча икры в Волге и Каспии запрещена.

– Я тебе велел порыться в этой теме, – напомнил Быков. – Ты должен быть в курсе проблемы и четко понимать, к кому и как придется там обращаться. Вот и просвети нас, сирых.

– Я порылся. Суть проблемы, с которой мне придется столкнуться, в следующем. Добыча осетровых пород рыб разрешалась с 2007 года только в небольших количествах по специальному разрешению узкому кругу научных организаций в научных целях. Часть икры при добыче для целей воспроизводства и акклиматизации выбраковывалась, это так называемые научные квоты, то есть признавалась негодной к оплодотворению и производству малька. Такая икра раньше направлялась на промышленную переработку и дальнейшую реализацию в торговые сети России. Такая икра считалась легальной и законно добытой. В настоящее время продажа икры из научных квот запрещена.

– И что же продается в наших магазинах? – не удержался капитан.

– А вся икра, которая попадает официальным путем в ресторанный сеть, в розничную торговлю, – это икра, полученная в аквакультурных хозяйствах от выращенных в них рыб осетровых пород. Производство и продажа такой икры у нас в стране законом не ограничены. Я так понял, что в 2007 году планировался к принятию законопроект о введении в России государственной монополии на вылов осетровых и продажу черной икры сроком на ближайшие 15 лет. Но, по-моему, на данный момент нет ни одного распоряжения правительства или законодательного акта, запрещающего продажу частными фирмами черной икры.

– Все правильно, – кивнул головой Быков. – Молодец, примерно так дела и обстоят. Только скажу сразу, чтобы ты времени особенно не терял на эти аквакультурные хозяйства. За этим официальным бизнесом стоят такие серьезные дяди в Москве, что к ним не подступишься. И все поставки у них расписаны на десять лет вперед и по своим точкам. В этой среде ты покрутишься для виду, но специфику, о которой я тебе сказал, ты знать, как коммерсант, обязан. Особенно не стесняйся намекать, что тебя браконьеры интересуют, и ты прекрасно понимаешь, что заключаешь липовые договора с липовыми фирмами на поставку черной икры, а на самом деле платить придется браконьерам.

– А как с финансированием?

– Вот тебе пластиковая банковская карточка. Пополним мы ее в случае необходимости мгновенно. Но учти, что за деньги придется отчитываться, хотя это и оперативный фонд. По возможности ежедневно по электронной почте отправляешь мне рапорт о проделанной за день работе. Встречи, знакомства, выводы и... затраты.

Глава 3

В поездах Антон не ездил уже давно и был приятно удивлен изменениями, произошедшими в этой сфере. И в вагонах стало чище, и постельное белье стало белее. Даже проводницами, как ему показалось, теперь работали сплошь молодые симпатичные женщины, а не толстые сварливые бабы, как раньше. Кастинг они проходят, что ли?

Другим большим удивлением было для него то, что после Саратова вагон совсем опустел. Он, например, остался в своем купе один. А вот встречный астраханский поезд, который он видел сейчас стоящим на той же платформе, кажется, был забит под завязку. Приятно, удобно, очень кстати. Особенно если тебе надо о многом подумать и многое взвесить. Он ехал в незнакомое место, в среду, о которой имел чисто теоретическое представление, поэтому был собран и напряжен, полностью готовый к схватке, но какая-то давняя мысль не давала ему покоя. Маленькая такая, незначительная мыслишка.

Антон вспомнил, что это была за мысль, и усмехнулся. Он-то считал себя уже взрослым, а вот мыслишка говорила о его еще не совсем полной зрелости. Сколько он за свою жизнь ездил в поездах, раз двадцать? Да, еще с мамой они ездили на юг. Но и тогда он уже обращал внимание на то, что попутчиками попадались всегда какие-то толстые потные мужики, которые страшно храпели по ночам, какие-то бабы, вечно перебирающие свои пожитки и треплющиеся, не умолкая ни на минуту, на бытовые темы. Бывали еще и маленькие неугомонные дети.

А вот чтобы как в кино показывают, чтобы подседа вдруг молодая красивая девушка, от которой в купе стало бы светлее, и посмотрела бы приятным взглядом, поздоровалась мелодичным голосом, превратила бы нудное утомительное путешествие в постоянное ожидание ее взгляда, ее голоса, в любование ее фигурой, такого пока еще не было...

– Здравствуйте, – послышался вдруг за спиной мелодичный женский голос. – Что так пусто?

Антон улыбнулся, не успев даже повернуться на голос. Вот так! Неужели судьба смиловилась и послала напоследок приятную попутчицу? А если обернусь и увижу прыщавую девицу, которая безвкусно одета, или костлявую, или толстую, или ростом в полтора метра и с кривыми ногами?

Он обернулся и обомлел. В дверном проеме купе стояла молодая, лет тридцати с небольшим, женщина в дорогом и со вкусом подобранном костюмчике. Он очень шел ей и замечательно подчеркивал фигуру. Ничего лишнего и в то же время высокая грудь, округлые бедра, короткие волосы изысканно уложены надо лбом и на висках, легкий макияж и глубокие темные глаза. До Антона вдруг дошло, что он пялится на попутчицу и молчит.

– Простите? – чуть приподняла бровь женщина. – Мы знакомы?

– Увы, нет, – рассмеялся он, галантно встал со своего места, принял из рук женщины небольшую дорожную сумку, положил поверх своего одеяла и представился: – Простите, меня зовут Антон.

– Вероника, – ответила женщина, заходя в купе и очень красиво, чуть бочком присаживаясь на полку напротив. – А что это была за интермедия, Антон? Вы как-то так странно на меня посмотрели.

– Обещаю честно рассказать, но после того, как вы расположитесь. Я, пожалуй, выйду, чтобы вы могли... привести себя в порядок.

Он успел заметить, как Вероника быстрым цепким и оценивающим взглядом окинула купе, вещи Антона и его самого с ног до головы.

То, что он нравился женщинам, Антон знал. То, что Вероника на него посмотрела с нескрываемой симпатией, было приятно и привычно. Он не собирался выстраивать какие-то

отношения, чего-то добиваться, бухнуться с головой в дорожный роман. У него вообще-то дело, и очень серьезное, на конечном пункте путешествия.

Поезд наконец тронулся. Уползли в сторону огромные буквы «САРАТОВ» на крыше вокзала, потянулись какие-то строения товарной станции, потом гаражи, старый жилой сектор.

– А вы в Саратове были в гостях или вы местная? – первым нарушил молчание Антон.

– Нет, я тут гостила, – с мягкой улыбкой ответила Вероника. – А вы? Домой или из дома?

– Дела! – развел он руками.

– Ну, тогда пора вам признаться в маленькой тайне, которую вы от меня скрываете. Так что это был за взгляд, которым вы меня одарили в дверях?

Она откровенно флиртowała, несмотря на то что спутник был лет на пять-шесть ее моложе. Пора было включаться в эту дорожную игру и попытаться провести время с пользой. Если эта дама живет в Астрахани и если занимает какое-то высокое положение, то рассказать она может многое. И не просто рассказать, а выдать информацию с анализом, со своими выводами, что позволит Антону сэкономить уйму времени в чужом для него городе. А судя по костюму и умению держаться, Вероника не фасовщицей работает в рыбокооперативе и не старшим продавцом в универмаге. Обидно, если все закончится банальной постелью. Ведь тогда придется отвечать на массу вопросов. Женщины обычно любят выворачивать наизнанку своих любовников.

– Хорошо, – согласился Антон, – но я приглашаю вас в ресторан и под хорошее вино, если таковое там найдется, выдам вам страшную тайну.

Он сделал загадочное лицо, и женщина приняла игру. Она приложила палец к губам и, как завзятый заговорщик, оглянулась по сторонам:

– Ш-ш-ш, только тихо! Никто не должен знать, что от вина у меня всегда болит голова. Я согласна отправиться с вами, но только из-за коньяка. Хотя бы армянского.

Выбор вин оказался довольно заурядным, и Антон подумал, что выглядел бы очень смешно, предлагая даме дешевые сорта. Зато среди крепких напитков оказался коньяк «Хен-несси», что Веронику вполне устроило. Они заказали легкие закуски, фрукты и конфеты. Подняв первый тост за знакомство, Антон с любопытством стал ждать, как дама будет пить. Опрокинет в рот рюмку и потянется к закуске, будет цедить коньяк, сморщившись? Он не угадал. Она отпила небольшой глоток и поставила рюмку на стол. Выставляя напоказ высокого качества маникюр, взяла с блюда дольку апельсина, положила в рот и шевельнула бровью:

– Так я жду?

Антон неторопливо отпил половину из рюмки, очень старательно поставил ее на стол, не показывая, как ему хочется сморщиться, выдохнуть и закусить чем-нибудь, и ответил:

– А тайна моя, Вероника, проста, как апельсин! По роду своего занятия мне часто приходится ездить. Самолетов я не люблю, да и половину своего бизнеса пролетаешь, если пользоваться авиатранспортом...

– Признайтесь, что вы просто боитесь летать, – коварно улынулась Вероника, подцепив вилочкой нарезку и укладывая ее на ломтик хлеба.

– Не попали, – рассмеялся Антон. – Я бывший десантник, и у меня больше десятка прыжков с парашютом. Нет, в самом деле, поезд – это не просто вид транспорта, это философия жизни. Ты не садишься в вагон, ты в нем располагаешься. И тебя везут, тебе дают возможность смотреть сутками в окно на мелькающие за окном ландшафты, населенные пункты. И не просто смотреть, но и размышлять. Неторопливо, качественно и со вкусом. Если вы принимаете этот мой первый тезис, то я предлагаю его закрепить. – Он приподнял рюмку, дождался, когда свою поднимет Вероника, и легонько прикоснулся краешком своего сосуда к ее: – За вкус!

Вероника не отреагировала и не прокомментировала тост, хотя Антон готов был объяснить его. За вкус, с которым его попутчица одевается, держит себя, ведет с окружающими. Но игровые объяснения пришлось оставить при себе и продолжить стихийную философию:

– Согласитесь, что ничто так не располагает к размышлениям, как наблюдение из окна поезда.

– А еще, если смотреть на огонь и льющуюся воду, – подсказала Вероника.

– Нет, там другое! Там ты смотришь зачарованно, там мысли замирают. А тут именно тянет мыслить. Кто эти люди, что зажгли свет в окнах третьего этажа вон того дома? Что они там сейчас делают? Смотрят телевизор, делают ремонт или... моют полы. Маленький поселок, почти единственный двухэтажный дом – огромное поле для фантазии, не правда ли? Или водитель вон того старенького «Москвича»...

– А вы не отлыниваете, случаем, от обещанного страшного признания?

– Нет, просто я избрал довольно долгий путь к цели, но если вы настаиваете...

– Непременно настаиваю. И даже предлагаю выпить за лаконичность.

Антон плеснул коньяка в обе рюмки, обменялся с попутчицей нежным звоном стекла и отпил пару глотков.

– Желание дамы – закон. Хорошо, я сокращу путь к истине. А она заключается в том, что за долгие годы своих железнодорожных путешествий духи этого ведомства так ни разу и не ниспослали мне в утешение красивой попутчицы.

Вероника вскинула удивленную бровь, но промолчала.

– В фильмах часто показывают, как главный герой путешествует в обществе красивых незнакомок. Что в поездах, что в самолетах. Даже в автобусах у них попутчицы красивые, а у меня ни разу в жизни такого не было. И когда наш поезд стоял на перроне, я думал как раз об этом. И... Появляетесь вы, как богиня, как олицетворение, как чудо. Ну, не чудо ли, извините за каламбур?

– Никакого чуда, – вдруг пожала плечами Вероника. – Сплошная теория вероятностей. Чем дольше вы ждали такого счастья, тем вероятнее оно должно было наступить. Если средне-статистический человек, скажем, раз в год должен проехать в одном купе с красивой женщиной, то вас ждут незабываемые годы. Сколько вы, говорите, мучаетесь? Лет десять? Боюсь, что оставшаяся часть жизни у вас пройдет как в малинике. Если, конечно, вы ездить не бросите. Кем вы работаете?

– Зарабатывателем денег. Коммерсант, если хотите, свободный художник. Организую долгосрочные договоры поставок для тех, кому некогда самому мотаться по другим городам.

– И комиссионные того стоят?

– Если учесть перспективы, которые вы мне нарисовали на оставшуюся часть жизни, я готов теперь ездить бесплатно.

Кажется, уйти от прямого ответа удалось. И, чтобы не возвращаться к этому вопросу, Антон предложил выпить еще, за успехи в профессиональной деятельности. Щеки у Вероники порозовели, хотя других признаков опьянения Антон не замечал. Да и по опыту он знал, что, если пить вот такими дозами, выпить можно очень много.

– Боюсь, что Нижняя Волга вас разочарует, – сказала Вероника, кивнув в сторону окна. – Чем южнее, тем больше пыли и меньше зелени. Потом начнутся тухлые заводы, камышовые непролазные топи, мошकारа в разгар лета и очень много птичьего помета.

Антон облегченно вздохнул про себя. Вот он, счастливый момент, когда разговор можно повернуть в нужное русло. Тем более что попутчица, кажется, не очень удовлетворена местом своего жительства.

Вероника умудрилась так и не сказать, где и кем она работает и является ли уроженкой Астраханской области. Но если судить по ее словам, она искренне переживает, что область в целом живет бедно, что чем дальше от областного центра, тем непригляднее поселки, деревни, что угасло нечто, что отличало волгарей от жителей других регионов России. С большой горечью она немного прошлась по поводу браконьерства и загрязнения дельты Волги. Оказывается,

там не так давно обитало много интересных животных и птиц. А уж о рыбе и говорить нечего. Антон слушал, поддакивал и ловил себя на мысли, что верит этой женщине.

На следующий день разговор с попутчицей не пошел. То ли Веронику что-то тревожило, то ли она уже окунулась с головой в предстоящие служебные дела. Антон тщательно продумал план, как остаться добрыми друзьями, а не бывшими попутчиками, но осуществить его так и не удалось. Когда поезд остановился у платформы, в дверях купе появился молодой мужчина.

– Вероника Васильевна! Здравствуйте, с приездом, – подхватил он ее дорожную сумку.

– Спасибо за приятное путешествие. – С еле заметной улыбкой Вероника протянула Антону ладонь и по-мужски пожала ее. – Мне понравилась ваша дорожная философия, и в следующую поездку я ее обязательно опробую на себе. Счастливого вам, Антон!

Вот зараза! Так лопухнуться, и в самом начале командировки. Ведь можно было обзавестись хорошим знакомым в городе, человеком, который поможет советом, и не только. Союзником, черт возьми. Что значит не хватает опыта – и оперативного, и жизненного.

Ругнувшись вслух, чем очень напугал проводницу, Антон выскочил из вагона. Он решил, что нужно получить хотя бы минимум, хотя бы узнать номер машины, на которой Веронику увезли. Ведь в вагон пришел наверняка водитель служебной машины. По номеру можно вычислить место работы, а зная место работы, можно... продолжить знакомство. Если, конечно, объект этого захочет. Причин опасаться обратного у Антона не было. Очень здорово, что он не попытался затащить Веронику в постель. И очень здорово, что она сама не спровоцировала его на это. Теперь любая неожиданная встреча не будет иметь негативного осадка.

...«Волга», н3990у, черного цвета, запыленная. «Волга» – это хорошо, это не машина, на которой возят бизнес-леди. А вот то, что она запыленная, – это плохо. Вряд ли начальница будет терпеть водителя-неряху и лодыря. Скорее всего, живет и работает Вероника не в областном центре, а... а может, очень далеко от него. Жаль...

Останавливаться в крупной гостинице Антон не стал – большое количество постояльцев, много новых лиц постоянно. Хотя понятие «крупная» для районного центра Белуша было относительным. Кирпичное двухэтажное здание с окнами, которые давно требовали покраски. Особых причин чего-то опасаться пока не было, но поселился Антон все же в маленькой частной гостинице. Благо, на одной стене автостанции он увидел нечто похожее на доску объявлений или рекламный стенд. Под стеклом красовался лист бумаги формата А4 с названием отеля «Волна» и приемлемыми ценами за одноместный номер. Антон достал мобильник и набрал номер, указанный на листке. Одноместные номера были, имелся и свободный. Правда, цена, указанная на листке, относилась к койка-месту в четырехместном номере. Антону назвали за одноместный номер другую цену, и он присвистнул, хотя Быков ворчать и пенять за перерасход оперативных средств в этом случае, скорее всего, не будет.

Городок оказался небольшим, но вытянутым вдоль большого рукава дельты Волги. Дорога заняла всего минут десять, и Антон пожалел, что нанял такси. Этот городок можно было пройти из конца в конец минут за сорок, и то неторопливым шагом.

Гостиницей оказался маленький красный особнячок, утопающий в зелени какого-то парка. Водитель такси высадил Антона и велел зайти с задней стороны. И, только войдя через кованые черные ворота на ухоженную территорию, Антон все понял. Возле большой добротной двери на фасаде красовалась непонятная вывеска «Центр национальных культур». Но, обойдя особнячок вокруг, по дорожке, выложенной цветным тротуарным камнем, он обнаружил еще одну такую же дверь, но уже без всяких вывесок, и, открыв ее, вошел в небольшой холл. Справа красовалась специфическая и легко узнаваемая стойка портье или дежурного администратора, как их принято называть в маленьких гостиницах. Все понятно, шифруется хозяин гостиницы, чтобы не нервировать обозленный народ. Хозяином может оказаться самый заядлый «демократ и правдолюб» в городке.

Белуша Антону понравился. Он еще по разговорам в астраханском автобусе, на котором приехал, догадался, что название городка мужского рода. А Исыньма – женского. Исыньма – это та самая протока, вдоль которой и вырос городок. Зелени в Белуше было очень много. Видимо, наносная почва дельты была очень хороша для деревьев и кустарников.

Но портило вид города то, что находилось под сенью этих деревьев. Только в центре имелись пятиэтажные, трехэтажные каменные дома, а чуть дальше от центра тянулись кривые улочки деревянного зодчества. Сначала ухоженные, свежеевыкрашенные, облицованные пластиковой вагонкой, красным, желтым и белым кирпичом. Дальше же пошли убогие, покосившиеся, бледные домишки. С такими же покосившимися, почерневшими от времени заборами, заросшими сорной травой дворами, с поломанными тракторами, тракторными тележками и «газоновскими» кабинами у ворот.

И тянуло от всего этого, как и с протоки, илом, прелостью, тухлятиной. Уныние и забвение! А ведь в городке есть рыбное хозяйство, есть ликеро-водочный завод. Есть торговый центр, рынок и куча мелких предприятий и организаций, которые неизбежно возникают всюду и всегда, где скапливается население. Предприятия по ремонту и строительству, энергоснабжению, транспортные, по ремонту автомобилей и много всякой всячины вроде столярных цехов, слесарных мастерских, мастерских по ремонту бытовой техники, электроинструмента...

Антон убедился в наличии всего этого за тридцать минут, которые понадобились ему, чтобы обойти центр. Все блага цивилизации были в наличии. Людей вот на улицах было мало. Что ж, пора начинать наводить справки, заводить знакомства и внедряться в деловой мир этого района. К такому решению Антон пришел, сидя за чашкой кофе в абсолютно пустом кафе на углу площади, которую можно было бы считать центральной. Благо, деловой мир тут не особенно велик.

Именно с делового мира он и решил начать. У него было время до того, как родственники привезут тело убитого водителя Лажкина сюда из Екатеринбурга. Тогда ему придется потерпеть вокруг похорон в надежде услышать обрывки разговоров, может, фамилий или намеков на каких-то людей. Ведь наверняка кто-то из ближайших родственников будет хоть вполголоса, но обвинять того, кто до этого довел, кто замотал парня по командировкам, может, и еще чего-то в этом роде.

Допив кофе, Антон бодро поднялся и отправился на ликеро-водочный завод. Он расположился на южной окраине городка. Забор из бетонных плит с колючей проволокой поверху, ворота из толстой арматуры и облезлый домик сторожей справа от них. К этому домику Антон и двинулся уверенной походкой делового человека. Он со времен института помнил, что походка во многом характеризует человека, и от того, как ты идешь, зависит и то, как тебя встретят.

Встретили его не очень приветливо. В узком коридоре с турникетом Антон уперся грудью в мощную грудь здоровенной бабы. Одета она была в синюю униформу с наклейкой «охрана». Кто и откуда достал ей форму такого размера, оставалось лишь догадываться. При собственных габаритах тетки форма была ей велика размера на два, отчего ее фигура выглядела еще более обширной. Как-то сразу стало ясно, что спорить с этим «монументом» будет бесполезно.

– Че хотели? – басовито спросила вахтерша.

– Здравствуйте, – вежливо напомнил Антон о правилах хорошего тона, но, наткнувшись на равнодушный взгляд вахтерши, поспешил объясниться: – Я приехал из Самары по поводу закупок вашей продукции. Как мне попасть к вашему директору?

– Директора нет, – отрезала вахтерша. – Вам надо в отдел сбыта.

Антон вопросительно смотрел на женщину, но, так как она больше ничего не сказала, согласно кивнул:

– Тогда мне надо в отдел сбыта.

– Там сейчас тоже никого нет, – не сдвинувшись с места, пояснил «монумент». – С утра приходите.

– А могу я взять телефон директора? Мне все же хочется с ним встретиться и обсудить долгосрочные перспективы сотрудничества.

– Вон по внутреннему, – кивнула вахтерша на телефонный аппарат, – позвоните завтра, если он будет.

– Кто, телефонный аппарат? – не удержался от иронии Антон.

– Веселый, да? – вдруг набычилась она и нависла над ним, как скала.

– Нет, грустный, – покачал головой Антон и стал пятиться спиной к выходу. – Что-то тут не располагает к веселью. Может, освещение не то? Или стены лучше перекрасить в зеленые тона?

Было ясно, что персонал тут в захолустье никто особенно муштровать и не пытался. Грубость в отношении потенциального партнера, фактически несущего деньги, которые, в свою очередь, пойдут и на зарплату, дело неблагодарное. Элементарный гонор и уважение к самому себе могут этого потенциального партнера отправить в другой район на другой завод. Тем более что вот этот, который за забором, ничем особенным не отличается.

Однако предаваться гневу было непозволительной для Антона роскошью. Отойдя в сторону, он набрал номер телефона, который успел увидеть в списке на стене.

– Приемная директора, – отозвался приятный и приветливый женский голосок.

Внутри у Антона потеплело. Значит, не все тут грубые, есть люди, правильно понимающие свою должность. Вежливо представившись и изложив причину, по которой он хочет встретиться с директором, Антон выслушал все то же предложение отправиться утром в отдел сбыта. Но тут голосок сделался немного вкрадчивым и почти по секрету сообщил, что Артур Робертович утром будет на месте и ему доложат о госте из Самары.

Поблагодарив приятный голосок, Антон мысленно внес коррективы в свои планы на завтра. Теперь ему следовало заполнить остаток дня. По «легенде», самой важной была встреча с руководством рыбного хозяйства. И не только важной, даже обязательной.

Идти пришлось пыльными окраинами, огибая огромные репейники. Потом показались два кирпичных новых здания, а рядом – строения из бревен, уже потрепанные временем. Ни вывесок, ни указателей, но Антону объяснили еще вчера, что тут никаких других хозяйств нет, кроме рыбных прудов Мамаева.

Он остановился, разглядывая группу строений, три больших круглых водоема, через которые были проложены мостки. Над одним прудом по мосткам ходила женщина в белом халате с какими-то стеклянными сосудами. Впечатления, что это богатейшее предприятие, не возникало, а ведь стоимость икры, которую оно поставляло на рынок, причем иностранный, была очень и очень немаленькая. Хотя Антон не имел представления о том, какие строения и какое суперсовременное оборудование тут можно поставить. Может, этих домиков и этих водоемов достаточно.

– Вам что, молодой человек? – послышался сбоку голос.

Антон обернулся и увидел коренастого мужчину с лысой большой головой. Он стоял, вытирая руки какой-то тряпкой, а в сторону домиков уходили еще двое в брезентовых костюмах, таща что-то вроде пластикового мешка. В мешке явно трепыхалась рыба. Судя по выражению лица лысого, он тут был начальником.

– Я приехал из Самары, – обозначил расстояние, которое он преодолел, а значит, и важность визита Антон. – Мне хотелось бы встретиться с руководством хозяйства.

– Уже встретились, – усмехнулся мужчина. – Я управляющий. У вас что за дело? Научное, коммерческое.

– Скорее коммерческое, – осторожно ответил Антон, оставляя себе лазейку для последующего общения.

– Ну, коммерческими вопросами я занимаюсь сам. – Лысый внимательно осмотрел свои руки и, решив, что они достаточно чистые, протянул широкую ладонь: – Мамаев Вячеслав Николаевич.

– Копаев Антон, а...

– Вы извините, – снова усмехнулся управляющий, – вы прибыли без предупреждения, и мне трудновато сейчас уделить вам время. Вот если бы у вас был научный интерес, то я перепоручил бы вас своей «науке», а так... Знаете что, а давайте вечером пообщаемся, часиков в семь вас устроит?

– Вполне, – пожал плечами Антон.

– Ну, и отлично. Приходите в ресторан «Волна» – это не доходя квартала до центральной площади перед зданием администрации. Там сегодня торжество, и я вас приглашаю от имени, так сказать, оргкомитета. Вот и поговорим о ваших коммерческих делах. Годится?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.